

Глава 2

Прежде чем начать говорить

В этой главе мы поговорим о некоторых факторах, которые нужно принять во внимание, прежде чем согласиться произнести речь, и о том, что нужно сделать, готовясь ее написать. Для начала я обрисую ключевые моменты, которые будут обсуждаться в книге.

- Приглашение произнести речь надо рассматривать как возможность принести пользу своей компании или себе лично.
- Не сомневайтесь в том, что вы можете произнести хорошую речь: это умение у вас присутствует, надо его только развить.
- Если мысль о том, чтобы говорить публично, рождает в вашем сердце панический страх, то вы не одиноки. Даже опытные ораторы испытывают ужас перед выходом на сцену и страдают от недостатка уверенности.
- Научившись писать и произносить речи, вы улучшите и другие навыки, которые имеют значение для бизнеса или профессиональной карьеры.
- Научившись говорить публично, вы обретете уверенность в себе и станете более интересным для окружающих.

Красные флагги

Теперь, когда я убедил вас рассматривать приглашение выступить как новую возможность и с энтузиазмом его принять, я немного охлажу ваш пыл и отмечу, что некоторые подобные предложения стоит отклонять. Хотя отклонять — это сильно сказано. Скажем так, в некоторых ситуациях лучше сразу понять, где таится опасность.

Кто первый?

Допустим, вы менеджер по продажам условной компании Wonder Widget и вас наряду с тремя другими докладчиками пригласили выступить по вопросу «Виджеты и маркетинг в XXI веке». Это достаточно широкая тема, чтобы четыре оратора могли не повторяться, но если вы не первый по списку или не знаете, о чем будут говорить коллеги, то риск, что предыдущий оратор скажет то же самое, что запланировали вы, довольно высок. А что может быть неприятнее и утомительнее для слушателей, чем дважды слушать об одном и том же?

Если вы значитесь в программе последним, ваша речь должна быть особенно интересной, потому что нужно заинтересовать слушателей, которые к этому моменту порядком устанут. Выслушав три выступления подряд, они могут настолько утомиться, что не станут вас слушать, даже если вы расскажете об абсолютно достоверном способе выигрывать в лотерею.

Несколько лет назад менеджер, для которого я часто писал тексты, принял такое предложение. А затем он узнал, что будет последним из трех выступающих. Он согласился, потому что был почти уверен: его предшественники скажут почти все, что хотелось бы сообщить ему. Он понимал: придется соизмерять свои слова с тем, что уже сказано, или, рискуя утомить аудиторию, повторно излагать тот же материал. Хотя менеджер был опытным оратором, он предпочитал работать по готовому тексту. В импровизации он не был силен, и перспектива на ходу менять текст, чтобы его речь дополняла предшествующие выступления, его не прельщала. Таким образом, перед моим клиентом всталась серьезная проблема. Ему требовалось выступить с новыми идеями и новой информацией, которых не имели или не собирались использовать его предшественники. И потребность менять что-то на ходу должна была быть минимальной. Он попросил меня поработать над этим проектом. Прежде всего я предложил связаться с другими докладчиками и спросить, о чем они планируют рассказывать. Конечно, это было бы идеальным решением, но содокладчики являлись конкурентами, так что мой клиент не захотел просить их о помощи.

Приложив некоторые усилия, мы сумели написать, как нам казалось, хорошую речь, которая имела шансы существенно отличаться

от выступлений двух предшественников. Конечно, полной уверенности не было, да и проблема усталости аудитории никуда не исчезла. Более того, выступление оказалось последним перед обедом пунктом утренней программы, так что усталость могла сочетаться с голодом.

Когда я писал окончательный черновик, я добавил в начало речи немного юмора, чтобы напомнить аудитории о тех проблемах, с которыми сталкивается последний по списку докладчик, и вызвать симпатию к его усилиям. Вот что я написал сразу после начальных расшаркиваний:

Поскольку я последний докладчик в программе, то чувствую себя примерно так же, как последний муж Лиз Тейлор в брачную ночь: я знаю, что от меня требуется, но не уверен, смогу ли сделать это как надо. Конечно, в том, что ты последний, есть и определенное преимущество. Когда до тебя доходит очередь, слушатели уже считают, что и так всё знают, их ожидания занижены и тебя никто не пожурит, если окажется, что ты действительно не скажешь ничего нового. Однако я, как мне кажется, могу кое-что добавить к обсуждению интересующей нас темы.

И вы наверняка обратите серьезное внимание на то, что я собираюсь сказать, потому что это довольно интересно.

Сам я на выступлении не был, но мне говорили, что оно прошло успешно. Над шуткой про Лиз Тейлор смеялись. Мы достигли желаемого. Признаю, это не оригинальная идея, но она сработала.

Уверенное «может быть»

Стоит ли принимать приглашение, если вы один из содокладчиков? Я отвечаю на это определенно: «может быть». Нужно решить этот вопрос для себя, приняв во внимание некоторые обстоятельства. Если вы уверены, что вам есть чем поделиться, и этого не скажут или не захотят сказать предшественники, если вы можете по-новому осветить вопрос, то уверенное «может быть» вы смените на такое же уверенное «вполне вероятно». Но даже в этом случае я бы не испытывал большого восторга от перспективы выступать последним.

Если вы точно знаете, что стоите в программе первым или хотя бы вторым номером, то все в порядке. Однако третий и последующие номера — это повод для беспокойства. Возможно, вам не сообщат

об очередности выступлений во время приглашения. Вы можете поинтересоваться этим вопросом. Но если потребуете себе первый номер, то ваше поведение могут воспринять как грубое и эгоистичное. Составителю программы это, возможно, не понравится. Его задача — свести друг с другом группу экспертов, каждый из которых будет смотреть на предмет со своей позиции, удерживая внимание слушателей. В теории это звучит прекрасно, но на практике удается далеко не всегда.

Программы с большим количеством докладчиков часто принимают форму группового обсуждения, которое предусматривает участие аудитории и модератора дискуссии. Групповое обсуждение ставит меньше проблем, потому что существенная часть времени оратора уходит на ответы на вопросы. Но даже такой формат может требовать от каждого выступающего вступительных и заключительных ремарок. Они должны быть тщательно подготовлены, при этом возможность повторения чужих мыслей все равно остается.

Узнайте формат выступления, прежде чем соглашаться принять в нем участие. Если он кажется вам разумным, непременно соглашайтесь.

Контролируйте тему

Еще одно важное соображение при согласии на выступление — это его тема. Откажитесь, если она вам неприятна или малознакома. Большую часть жизни я пишу речи, но у меня почти нет опыта в создании рекламных текстов. Я бы охотно выступил перед менеджерами по маркетингу, рассказывая, например, почему при рекламе и пиаре нужно использовать координированные сообщения, но не стал бы рассказывать им о принципах хорошего рекламного текста. Это не моя компетенция. Имея свои соображения на этот счет, я не могу быть уверенными, что они достойны особого внимания.

Прежде чем принять предложение, убедитесь, что человек, который его делает, хорошо представляет себе ваши возможности. Иначе у аудитории сложится неверное мнение о вас, а вы не сможете оправдать ее ожидания. Недавно меня пригласили выступить в «литературном» клубе. Я никогда не считал себя «литературным» деятелем, потому что в основном пишу коммерческие тексты — речи, финансовые отчеты, брошюры и т. д. Хотя мне нравится хорошая литература, я читаю для

собственного удовольствия и редко задумываюсь о символизме и глубинном смысле. Я изложил все эти соображения председателю, и она заверила меня, что члены клуба с интересом выслушают практические советы по написанию текстов. Только после этого я согласился. Поскольку ожидания слушателей были реалистичными, мое выступление прошло успешно.

Критерии темы

Нередко вам предлагают выбрать тему самостоятельно. Но если вариант приглашающей стороны вам не нравится, непременно предложите свою альтернативу. В любом случае нужно рассмотреть несколько критериев.

Тема вашего выступления должна соответствовать случаю, мероприятию и аудитории. Один молодой священник выступал как-то перед пасторской, состоящей из людей преклонного возраста. Он выбрал темой проповеди грех похоти. После окончания речи милая пожилая дама пожала ему руку и сказала: «Прекрасная проповедь, сынок, но в нашем обществе скорее стоило поговорить о чем-нибудь другом».

Если вы предлагаете тему, отличную от той, которую запросила организация, старайтесь быть ближе к исходному варианту. Вероятно, человек, который пригласил вас, имеет основания думать, что предлагаемая им тема интересна для слушателей. Например, если вы все тот же менеджер по продажам в Wonder Widget и вам предстоит сделать сообщение на тему «Технология виджетов: куда она ведет?», вы, возможно, ответите: «Я занимаюсь маркетингом, и меня интересует, что происходит здесь и сейчас. Вряд ли я смогу рассказать о будущем технологии виджетов, попросите лучше нашего руководителя отдела исследований». Это даст председателю конференции возможность снять свое предложение. Вместо этого вы можете, например, выступить с сообщением «Технология виджетов: чего требует современный потребитель». Таким образом, вы останетесь в рамках заявленной темы — вопросы технологии, но сместите акцент на удовлетворение нужд клиентов, в чем как специалист по маркетингу должны прекрасно разбираться. Наряду с уместностью и знанием темы должна рассматриваться ее важность как для вас, так и для слушателей. Если она неинтересна им, они заскучают; если она неинтересна вам, выступление будет звучать фальшиво. Это не значит, что

вы должны со страстью отстаивать каждое положение своего доклада. В конце концов, вы не освобождаете рабов, не призываете сограждан к оружию и не вступаете в должность президента.

Если вы затрудняетесь определить подходящую тему, составьте список того, о чем в принципе готовы говорить. Потом оцените каждую тему в отдельности с точки зрения того, что вы знаете о данной организации, мероприятии и аудитории. Таким образом у вас останется примерно три темы. После этого попросите председателя оценить их по степени возможной заинтересованности аудитории.

Определение цели

Возможно, самое важное при выборе темы и написании речи — это цель. Чего вы хотите от слушателей? Вот вопрос, который нужно задать не только себе, но и тем, кто вас пригласил. Ведь у них была на то причина, так что они должны знать, чего хотят добиться при помощи вашего выступления.

Неплохо записать краткую формулировку цели и держать ее под рукой, когда пишете речь.

Из личного опыта я заключил, что у выступлений шесть основных целей:

1. Развлечь.
2. Проинформировать.
3. Вдохновить.
4. Мотивировать.
5. Отстоять точку зрения.
6. Убедить.

Эти цели могут накладываться друг на друга, кроме того, у речи может быть более одной цели. Речи Черчилля имели целью вдохновить и мотивировать сограждан. Доклад президента США о положении в стране обычно предназначен для того, чтобы сообщить членам Конгресса о том, чего достигла администрация президента, убедить их в пользу проводимой политики для страны и мотивировать на активную работу по претворению в жизнь президентских программ. Лучшие доклады могут к тому же вдохновлять, убеждать и даже развлекать. Но обычно доминирует одна или две из этих целей.

Хотя многие прекрасные речи содержат шутливые моменты, развлечение слушателей редко бывает основной целью. Однако юмор помогает донести мысль или завоевать аудиторию, то есть сделать ее восприимчивее к серьезным вещам, которые должен сказать оратор. Подробнее о значении юмора в выступлениях я расскажу в последующих главах.

Достаточно ли времени?

Наконец, нужно убедиться, что тема, выбранная вами или приглашающей стороной, может быть раскрыта за отведенное время. Если на тему, которая требует получасового выступления, предлагают пятнадцать-двадцать минут, отклоните предложение, попросите дополнительное время или другую тему.

Иногда встает противоположная проблема: выделяют больше времени, чем вы можете заполнить, выступая на предписанную тему. Это тоже тревожный сигнал. Попытки растянуть получасовой материал на сорок пять минут подобны усилиям написать статью объемом в тысячу слов на тему, которую легко изложить в пятистах-шестистах. В результате статья или речь выйдет плоской, утомительной и скучной. Я провожу однодневные семинары по написанию бизнес-текстов для групп из девяти-десяти человек. Иногда мне предлагаю сделать мини-семинар на час-полтора для большего количества людей. Хотя у меня достаточно материала, я бы не хотел читать лекцию полтора часа. По опыту знаю: удерживать внимание аудитории дольше сорока пяти минут сложно, даже невозможно. Чтобы решить эту проблему, я предлагаю слушателям задания по написанию и редактированию текстов, которые мы потом обсуждаем. Это позволяет поделить время на более мелкие отрезки и дает слушателям возможность стать участниками программы. Участие аудитории не всегда возможно, но если это получается, то в руках оратора оказывается мощный инструмент.

Однажды я получил предложение выступить на тему «Основные элементы программы налаживания связей с населением и местными властями». Мне хорошо знакома эта тема, я владею материалом и, на мой взгляд, могу изложить все за двадцать минут. А десять оставить для ответов на вопросы. Мне не приходило в голову, что речь может идти о получасовом выступлении. Но когда я за несколько дней до мероприятия

получил программу, с изумлением обнаружил, что мне отводится целый час. Поскольку программу уже отдали в печать, сократить время выступления было невозможно.

Председатель напрасно не спросил меня, много ли мне нужно времени, но я виноват еще больше, не узнав, сколько времени мне отводится.

Не пытайтесь предугадать все

В вопросе организации наиболее благоприятных условий для докладчика не всегда можно рассчитывать даже на самого достойного председателя конференции. Порой и он не может предоставить всю информацию, которой должен владеть выступающий. Председатели часто думают, что их ответственность заканчивается в тот момент, как вы обязались выступать. Выяснить подробности мероприятия — это задача самого оратора. И это, разумеется, нужно сделать. Рассмотрим некоторые подробности, которые непременно следует узнать, если вы согласились и собираетесь начать подготовку. Как гласит фраза, ставшая вновь популярной в 1992 году, после государственных дебатов по законодательству в области здравоохранения, «дьявол кроется в деталях».

Конечно, надо выяснить всю необходимую информацию относительно даты, времени и места. Предлагаю запрашивать эти сведения официально, чтобы избежать возможных неточностей. Не забудьте узнать имя, адрес и телефон президента, председателя программы или другого члена организации, которому можно позвонить или отправить письмо, если понадобятся дополнительные данные. Узнайте, как произносятся все имена собственные, которые есть в вашей речи.

Узнайте все об организации

Выясните все что можно о компании и ее сотрудниках: сколько их, кто они, какого пола? Молоды они, средних лет или это люди всех возрастов? Что это за организация: коммерческая или профессиональное объединение? А может, это клуб по интересам? Или церковная община? В чем ее цель, какова философия? Эта национальная, международная или сугубо местная компания?

Каковы основные сферы ее деятельности и проекты?

Многие из этих сведений вам пригодятся. Разумеется, речь должна содержать отсылки к пригласившей вас организации. Ничто так не льстит

аудитории, как упоминание докладчиком каких-либо относящихся к ней достойных дел. Например, выступая в Лайонс-клубе*, уместно упомянуть его работу со слепыми, и это будет встречено с удовольствием. Припоминаю, как однажды я слушал речь во Всемирной ассоциации молодых лидеров и предпринимателей, в которую тогда входил. Докладчик начал выступление очень умно, чем показал, что по крайней мере отчасти владеет информацией о нас. В то время организационная структура ассоциации предусматривала наличие двух вице-президентов: один назывался внешним вице-президентом, другой — внутренним. Возможно, все так и осталось, но, поскольку быть членом клуба можно лишь до тридцати шести лет, а для меня этот возраст давно миновал, мои сведения могли устареть.

Итак, докладчик сделал несколько предварительных замечаний и затем принялся рассказывать о попытках организовать отделение ассоциации в тюрьме штата. «Заключенные с энтузиазмом отреагировали на предложение создать отделение ассоциации, — сказал оратор, — но, когда дело дошло до выборов на руководящие должности, оказалось, что никто не хочет баллотироваться в президенты». Тут он сделал небольшую паузу и эффектно закончил: «Зато оказалось тридцать семь кандидатов на роль *внешнего* вице-президента!»

Он не был членом ассоциации. Он просто потратил время на то, чтобы немного узнать о ней, в частности выяснил, что отделения организации в тюрьме действительно существуют. В продолжение речи он и дальше демонстрировал свои познания, упоминая другие достойные деяния ассоциации.

Президент Рональд Рейган обрадовал сотрудников мыловаренного завода Ivorydale в Сент-Бернарде следующим пассажем:

Земля в преддверии «Прилива» (Tide) хорошего «Настроения» (Cheer). Каждый день мы видим новое «Рвение» (Zest) в экономике. И все, что нам нужно сейчас, — это «Храбрый» (Bold) «Бросок» (Dash), чтобы «Защитить» (Safeguard) достигнутые «Успехи» (Gain).

Tide, Cheer, Zest, Bold, Dash, Safeguard и Gain — это названия марок мыла.

* Лайонс-клуб — международная благотворительная организация. *Прим. перев.*

Другие дьявольские детали

Выясните состав аудитории. Много ли ожидается слушателей? Будут ли гости организации? Если да, то это гости клуба в целом или отдельных его членов? Придут ли официальные лица или почетные гости? Какие профессии будут представлены? Часто вся аудитория состоит из представителей только одной профессии. В этом случае нужно ознакомиться с ней, чтобы вставлять уместные замечания.

Поинтересуйтесь повесткой дня и поводом для мероприятия. Есть ли у программы общая тема? Это регулярное событие или какое-то особенное? Ожидается ли перерыв на обед или ужин? Будут ли другие докладчики? Если да, выясните, кто это, и узнайте о них что-нибудь. Какова ваша роль: главный оратор или один из многих? Когда именно вы будете выступать? Что в программе непосредственно перед вашей речью и сразу после нее? Дадут ли вам время для ответов на вопросы? Кто вас представит? Нужно ли послать этому человеку информацию о себе?

Позаботьтесь о том, чтобы узнать ряд параметров. Каковы размеры помещения для выступления? Будет ли президиум, трибуна, микрофон? Можно ли пользоваться видеопрезентациями? Удастся ли повесить диаграммы так, чтобы все их увидели? Можно ли выключить свет, чтобы просматривать слайды? Достаточно ли розеток для проектора или другого необходимого вам оборудования?

Конечно, не все вышеперечисленное необходимо для каждого выступления. Но если эти сведения действительно важны, то они помогут вам определиться с темой, обсудить ее с председателем мероприятия, написать речь и подготовиться к выступлению.

На трибуне

В следующей главе мы начнем писать речь, и я приведу несколько причин, почему лучше иметь написанный вариант выступления, даже если вы не собираетесь следовать ему досконально. Ну а теперь первый совет из серии «На трибуне».

Вероятно, самый важный компонент речи — это искренность. Нужно твердо верить в то, о чем вы говорите. В этом случае вы будете спокойнее и увереннее, меньше нервничать. Отсутствие честности в вашем

выступлении заставит слушателей немедленно это понять и соответственно отреагировать. Мартин Лютер Кинг горячо поддерживал то, в защиту чего выступал, слушатели чувствовали эту страсть, и его слова служили призывом к действию для целой страны. Уильям Брайан* так охарактеризовал этот феномен: «Если человек знает, о чем говорит, и действительно думает так, как говорит, то его речь воспламеняет сердца».

Итак, прежде чем принять приглашение, выбрать тему и начать набрасывать речь, спросите себя: «Существует ли что-то такое, что помешает мне произнести речь на эту тему в этой аудитории?» Если ваш ответ «да», то советую обдумать ситуацию еще раз.

* Уильям Брайан (1860–1925) — американский политик и государственный деятель, в 1913–1915 годах государственный секретарь США. *Прим. перев.*

«Великолепная сила неподчинения»

За время долгой и успешной актерской карьеры Чарлтон Хестон* приобрел репутацию общественного активиста и часто публично отстаивал взгляды, которые разделял сам. В частности, вторую поправку к Конституции США (о праве на хранение и ношение оружия). В речи, произнесенной в Гарвардском университете в феврале 1999 года, Хестон пользуется некоторыми профессиональными приемами, которые мы обсудим в следующих главах. Ряд предложений, начинающихся с «если» (ближе к концу выступления), представляет собой очень эффектную фигуру речи, которая называется анафорой**:

Помню, когда моему сыну было пять лет, он объяснял в детском саду, какая профессия у его отца. «Мой папа, — сказал он, — притворяется разными людьми».

Этих людей было много: пророки из Ветхого и Нового заветов, пара христианских святых, генералы разных времен и народов, несколько королей, три американских президента, французский кардинал и два гения, один из которых — Микеланджело.

Если вы хотите перекрасить потолок, я сделаю все что смогу.

Всегда кажется, что здесь много разных людей. Я никогда не знаю наверняка, кто из них говорит. Сейчас, думаю, это я сам. Когда я сегодня думал о нашем приезде сюда, мне вдруг пришло в голову: если Создатель дал мне возможность показать вам сердца и разум этих великих людей, то я хотел бы использовать этот дар и показать вам вновь наше собственное ощущение свободы — вашей собственной свободы мысли, вашего компаса, указующего на истину. Вспомните, как в Геттисберге Авраам Линкольн сказал об Америке: «Теперь мы вовлечены в великую гражданскую войну, которая докажет, сможет ли долго выдержать эта нация или любая другая нация, таким образом рожденная и преданная той же идее». Эти слова вновь актуальны: поверьте, сейчас мы вновь вовлечены в великую гражданскую войну — культурную войну, которая может похитить ваше природное право думать и говорить то, что у вас на сердце. Я боюсь, что вы больше не доверяете тому пульсирующему ощущению свободы внутри себя, благодаря которому наша страна из дикой земли стала той чудесной страной, какова она сейчас. Здесь я позволю себе отступление. Примерно год назад я стал президентом Национальной

* Настоящее имя Джон Картер (1923–2008) — американский актер, лауреат премии «Оскар» (1960), семь раз избирался президентом Гильдии киноактеров, долгое время возглавлял Американский институт кино. *Прим. ред.*

** Анафора — повтор звуков, слов, словосочетаний или иных элементов в начале строки, строфы или абзаца для усиления эмоционального воздействия художественного текста. *Прим. ред.*

стрелковой ассоциации, которая защищает право хранить и носить оружие. Я выдвинул свою кандидатуру, был избран и теперь служу — служу мишенью для насмешек прессы, которая как только меня не называет: и смешным, и обманутым, и сдвинутым, чокнутым маразматическим стариком. Да, конечно, я уже очень стар, но, ей-богу, у меня нет маразма.

Оказавшись на мушке у тех, кто нацелился на свободы, которые предоставляет вторая поправка, я понял, что вопрос ношения оружия — далеко не единственный. Нет, речь идет о чем-то гораздо большем. Я пришел к понимаю того, что в нашей земле полыхает культурная война, в которой, следуя Оруэллу*, разрешены только приемлемые мнения и речи. Например, я маршировал с Мартином Лютером Кингом в 1963 году — задолго до того, как Голливуд решил, что это модно. Но когда я в прошлом году сказал слушателям, что гордость белого человека имеет такую же цену, что и гордость чернокожего, краснокожего и кого угодно, меня назвали расистом. Я всю жизнь работал с замечательно талантливыми гомосексуалистами. Но когда я сказал, что права геев не должны заходить дальше, чем мои или ваши, меня назвали гомофобом.

Я участвовал во Второй мировой войне против сил Оси. Но когда я провел в своей речи аналогию между изоляцией невиновных евреев и изоляцией невиновных владельцев оружия, меня назвали антисемитом.

Любой, кто знает меня, знает и то, что я никогда не подниму голос против своей родины.

Но когда я призвал слушателей противостоять культурным преследованиям, меня сравнили с Тимоти Маквеем**.

Все — от журнала *Time* до друзей и коллег — фактически говорят мне: «Чак, как ты смеешь так высказывать свое мнение! Ты говоришь языком, который не предназначен для публичного использования!»

Но я не боюсь. Если бы американцы верили в политкорректность, мы по-прежнему были бы подданными короля Георга и британской короны.

Мартин Гросс в своей книге *The End of Sanity* пишет: «Демонстративно иррациональное поведение быстро становится нормой почти во всех сферах человеческой деятельности. Похоже, что появляются новые обычаи, новые правила, новые антиинтеллектуальные теории, которые сыплются на нас со всех сторон.

Наш народ взбаламушен и бурлит. Американцы понимают, что какая-то невидимая сила наводняет родину, мешая отделить истину от лжи, правильное от неправильного. И им это не нравится».

* Речь идет об английском писателе и публицисте Джордже Оруэлле (наст. имя — Эрик Блэр) (1903–1950) и его культовом антиутопическом романе «1984» (1949). *Прим. ред.*

** Ветеран войны в США, организовавший самый крупный в истории страны террористический акт — взрыв в федеральном здании в Оклахома-Сити. *Прим. перев.*

Приведу несколько примеров.

В колледже Антиох в Огайо молодые люди, которые хотят близости с однокурсницами, должны получать устное согласие на каждой стадии процесса — перед поцелуем, предварительными ласками и итоговым соитием. Все это четко указано в директиве, выпущенной колледжем.

В Нью-Джерси, несмотря на смерть нескольких американских пациентов после заражения у стоматологов, скрывавших, что они больны СПИДом, комиссар штата заявил, что ВИЧ-положительные врачи не должны — не должны! — предупреждать пациентов о своем заболевании.

В колледже Вильгельма и Марии студенты решили сменить название школьной команды «Племя», потому что оно якобы оскорбляло местных индейцев, но обнаружили, что настоящим индейцам штата Виргиния название очень нравится.

В Сан-Франциско отцы города издали закон, который защищает права трансвеститов переодеваться на работе и права транссексуалов на отдельный туалет на время хирургической операции по смене пола.

В Нью-Йорке детей, которые не знают ни слова по-испански, сажают в двуязычные классы, чтобы они получали начальное образование на испанском, потому что у них испанские фамилии.

В Университете Пенсильвании, в штате, тысячи жителей которого погибли под Геттисбергом в борьбе против рабства, президент колледжа официально выделил отдельную спальню для черных студентов.

Да, я знаю — сейчас так говорить нельзя. Доктор Кинг говорил «негры». Джимми Болдуин* и все мы на марше говорили «черные». Но сейчас — ни-ни.

Для меня все эти странные названия звучат нелепо, в особенности «коренные американцы». Я тоже коренной американец. Кроме того, я прошел обряд инициации в племени индейцев миннеконжу.

Внук моей жены — коренной американец в одиннадцатом поколении, Американец с заглавной буквы.

Наконец, всего месяц назад Дэвид Ховард, глава Комитета по правам человека в Вашингтоне, при обсуждении каких-то бюджетных вопросов употребил в разговоре с коллегами словечко *niggardly* — «скаредный». Конечно, в нем нет ничего оскорбительного. Но через несколько дней Ховарда заставили публично принести извинения и подать в отставку. Журналист Тони Сноу написал: «Дэвид Ховард был уволен, потому что среди публики нашлись такие кретины, которые а) не знали значения слова, б) не знали, как пользоваться словарем, чтобы узнать это значение, и в) потребовали, чтобы он фактически извинился за их безграмотность».

Что все это значит? Это значит, что раньше нам говорили, что думать, теперь говорят, что говорить, так что вскоре будут говорить, что делать.

* Джеймс Болдуин (1924–1987) — известный американский чернокожий писатель, публицист, драматург, активный борец за права человека, последователь Мартина Лютера Кинга. Прим. ред.

Прежде чем вы объявитесь себя защитниками свободомыслия, ответьте: почему политкорректность ведет свое происхождение из кампусов американских университетов? Почему вы продолжаете ее терпеть? Почему вы, которые должны, казалось бы, обсуждать идеи, смиряетесь перед их подавлением?

Будем честны. Кто из вас считает, что ваши профессора могут действительно сказать вам то, что они думают? Это просто ужасает меня. Это должно ужасать и вас: предрассудки политкорректности правят храмами знания.

Вы лучшие и умнейшие. Здесь, в плодородной колыбели американской академии, в замке педагогики на Чарльз-ривер, вы сливки общества. Но я утверждаю, что вы и ваши одногодки по всей стране представляете собой самое конформистское и молчаливое поколение со времен сражения при Конкорде*. И пока вы продолжаете подтверждать это и подчиняться, ваши деды имеют право называть вас трусами.

Вот еще один пример. Прямо сейчас в нескольких крупнейших университетах от исследователей истории второй поправки требуют не распространяться о своих открытиях, или они потеряют работу. Почему? Потому что эти открытия поставят под сомнение иски мэров крупных городов, которые стремятся отсудить у производителей оружия миллионы долларов.

Меня не интересует, что вы думаете об оружии. Но если вас это не шокирует, то меня шокируете вы. Кто защитит сырье и несформировавшиеся идеи, если не вы? Демократия — это диалог!

Кто защитит ключевые ценности академии, если вы, якобы защитники свободы мысли и ее выражения, опустите руки и взмолитесь: «Не стреляйте в меня».

Если вы говорите о расах, это не делает вас расистами.

Если вы видите различия между полами, это не делает вас сексистами**.

Если вы критикуете религиозную деноминацию, это не значит, что вы против всех религий.

Если вы принимаете гомосексуализм, но не считаете его достойным особого уважения, это не делает вас гомофобами.

Нельзя, чтобы американские университеты продолжали служить рассадником этой разгульной эпидемии нового маккартизма. Но что вы можете сделать? Как противостоять такому массовому общественному закабалению? Ответ известен давно. Я выучил его тридцать шесть лет назад, на ступеньках Мемориала Линкольна в Вашингтоне, где стоял вместе с Мартином Лютером Кингом и еще двумястами тысячами людей.

Просто не подчиняйтесь.

* Битва при Конкорде 19 апреля 1775 года — один из ключевых моментов Войны за независимость (1775–1783). *Прим. перев.*

** Сексисты — сторонники гендерной дискриминации. *Прим. ред.*

Разумеется, мирным путем. Разумеется, со всем уважением. Конечно, без всякой жестокости.

Но когда нам будут говорить, что думать, что говорить и как себя вести, мы не подчинимся. Мы не подчинимся общественному протоколу, который ограничивает и узывает свободу личности. Я научился великолепной силе неподчинения у доктора Кинга... а тот выучился у Ганди, Торо и Иисуса и других великих людей, которые возглавляли бунт праведных против богатых.

Неподчинение у нас в ДНК. Мы чувствуем врожденное родство с тем духом неповиновения, который заставлял выбрасывать чай в Бостонской гавани*, который заставлял Торо отправляться в тюрьму**, который призывал отказываться сидеть в задней половине автобуса***, протестовать против войны во Вьетнаме. Во имя этого же самого духа я предлагаю вам противостоять культурной корректности неподчинением мошенническим властям, общественным предписаниям и позорным законам, которые угрожают свободе личности.

Но будьте осторожны — это нелегко. Неповинование требует рисковать. Доктор Кинг много раз стоял на балконах****.

Вы должны захотеть быть униженными, выдерживать современный эквивалент преследования полицейскими собаками в Монтгомери и брандспойтами в Сельме. Вы должны захотеть испытать неудобства. Я не жалуюсь, но десятилетия моей общественной активности оставили на мне след.

Расскажу вам одну историю. Несколько лет назад я услышал, что один рэпер по имени Айс-Ти продает компакт-диск под названием «Убийца копов», где хвастается тем, как завлекает в ловушки и убивает офицеров полиции. Диск выпустил не кто иной, как Time Warner, крупнейший в мире развлекательный консорциум. Полиция по всей стране была в ярости. И справедливо. Но Time Warner стоял насмерть: альбом стал для него настоящей дойной коровой, и пресса тоже спекулировала на тему того, что рэпер был черным.

Я услышал, что Time Warner проводит в Беверли-Хиллз встречу акционеров. В то время у меня были их акции, так что я решил сходить. И то, что я сделал, шло

* Бостонское чаепитие — акция протеста американских колонистов 16 декабря 1773 года в ответ на действия британского правительства, в результате которой в Бостонской гавани был уничтожен груз чая, принадлежавший английской Ост-Индской компании. Это событие, ставшее началом американской революции, является символичным в американской истории. *Прим. ред.*

** Генри Торо (1817–1862) — американский писатель, мыслитель, натуралист, общественный деятель, аболиционист (участник движения за отмену рабства и освобождение рабов). В знак неодобрения войны США с Мексикой демонстративно отказался платить налоги и был заключен в тюрьму. *Прим. перев.*

*** В 1955 году чернокожая учительница Роза Паркс отказалась освободить свое место в автобусе для белых пассажиров, что стало толчком к началу движения против расовой сегрегации. *Прим. перев.*

**** Мартин Лютер Кинг был убит на балконе. *Прим. перев.*

вразрез с советами моих родственников и коллег. Я попросил слова и в затихшей аудитории просто прочитал полный текст альбома «Убийца копов» — все эти вульгарные, злобные, поучающие слова: «Я взял свой обрез двенадцатого калибра, я выключил фары, я выпустил несколько пуль, я убью несколько копов...»

Дальше было хуже, намного хуже. Вам я этого читать не буду. Но поверьте мне: в комнате все были поражены и побелели от ярости. Менеджеры Time Warner неловко ерзали в креслах, рассматривая свою обувь. Они ненавидели меня в тот момент.

Потом я зачитал еще один сумасшедший текст, сочащийся грязным расизмом. В нем Айс-Ти фантазировал на тему секса с двумя двенадцатилетними племянницами Эла и Типпер Гор*.

«Она прижалась попкой к моему...»

Что ж, я не буду проделывать с вами то же, что тогда проделал с ними. Скажу только, что комнату я покидал в гнетущем молчании. Когда я читал эти тексты ожидающим представителям прессы, один из них сказал: «Мы не сможем этого напечатать». Я ответил: «Я знаю, а вот Time Warner их продает».

Через два месяца Time Warner разорвала контракт с Айс-Ти. Мне никогда больше не предложат хорошей роли в фильме компании Warner, я никогда не удостоюсь положительной рецензии журнала Time. Но неповиновение значит, что нужно захотеть действовать, а не просто говорить. Если уличный грабитель судится со своей пожилой жертвой за то, что она осмелилась оказать сопротивление, — сорвите рубильник в офисе окружного прокурора.

Если ваш университет вынуждают понизить стандарты до тех пор, пока 80 процентов студентов не будут получать диплом с отличием, устройте демонстрацию в попечительском совете.

Если восьмилетний мальчик поцелует в щеку свою подружку на детской площадке и угодит в суд за сексуальное домогательство, отправляйтесь в эту школу и заблокируйте ее двери. Если ваш избранник начинает радоваться самой власти и предает вас, ходатайствуйте против него, изгоняйте его, покончите с ним. Когда на обложке журнала Time христиане изображаются неуравновешенными и сумасшедшими, бойкотируйте этот журнал и все товары, которые в нем рекламируются.

Именно так нация сможет выдержать долго. Я призываю вас следовать по стопам великих непокорных в истории — тех, кто освобождал узников, основывал религии, убивал тиранов, и да, тех нескольких человек, кто поднял оружие и силой этого оружия построил нашу страну.

Если бы доктор Кинг был здесь, я думаю, что он согласился бы со мной.

* Имеются в виду Альберт Гор (вице-президент США с 1993 по 2001 год в администрации Билла Клинтона) и его жена. Прим. ред.

«Я сегодня задаю неудобные вопросы»

Хотя политические убеждения покойной Барбары Джордан, члена палаты представителей от Техаса, были прямо противоположны убеждениям Чарлтона Хестона, она столь же искусно выражала и отстаивала свои права. Мисс Джордан была первой чернокожей женщиной в Конгрессе. Она стала членом юридического комитета Конгресса, который проводил слушания по вопросу возможного импичмента президента Ричарда Никсона. В приводимой здесь речи, которая была произнесена во время дебатов в 1974 году, она использовала для доказательства своей точки зрения иронию, анафору, цитаты и антитезу. После того как вы прочитаете об этих приемах (в следующих главах), вы, возможно, захотите вернуться к этой речи, чтобы определить, где именно они использованы.

Господин председатель, я присоединяюсь к своему коллеге, мистеру Рэнджелу, и благодарю вас за предоставленную младшим членам комитета блестящую возможность разделить боль этого расследования. Вы сильный человек, господин председатель, и, хотя было непросто, мы сделали все возможное, чтобы помочь вам. Сегодня мы слушали начало вводной части Конституции Соединенных Штатов: «Мы, народ». Это очень красноречивое начало. Но когда этот документ был составлен, а именно 17 сентября 1787 года, я не входила в понятие «мы, народ». Много лет я чувствовала, что Джордж Вашингтон и Эндрю Хэмилтон забыли меня просто по ошибке. Но после интерпретации поправки и решения суда меня наконец-то включили в понятие «мы, народ».

Я сегодня задаю неудобные вопросы. Надеюсь, это не слишком большая гибербола и она удачно выражает то, что я сейчас чувствую. Я верю в Конституцию целиком и полностью, до конца. Я не собираюсь сидеть здесь и быть молчаливым свидетелем преуменьшения значения Конституции, ее искажения и разрушения. «Кто способен надлежащим образом служить расследователями от имени нации, как не ее представители?» [Гамильтон, «Федералист»*, № 65] Предмет ее юрисдикции — допущенные нарушения лицами, облечеными властью. Именно об этом мы и говорим. Иными словами, юрисдикция появляется при нарушении общественного доверия. Я считаю, что неправильно толковать Конституцию так, что каждый представитель, голосующий за импичмент, должен быть убежден, что президента следует сместить с его поста. Конституция такого не говорит. Возможность импичмента

* Другое название — «Записки Федералиста». Сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Увидел свет в 1788 году. Считается не только ценнейшим источником толкования Конституции США (в сборнике значение ее положений разъясняется самими авторами), но и выдающимся философским и политическим произведением. Прим. ред.

находится в руках этого органа, этого законодательного учреждения, как раз для того, чтобы противостоять возможным нарушениям учреждений исполнительных. Создатели Конституции поступили чрезвычайно мудро, разделив две законодательные ветви — палату и сенат — и поручив одной из них обвинять, а другой — судить. Они не хотели, чтобы обвинители и судьи были одними и теми же людьми. Мы знаем о природе импичмента. Мы уже достаточно времени ее обсуждаем. «Он в основном предназначен для президента и его ближайших сотрудников» — и это нужно принимать во внимание. Он предназначен для того, чтобы «одергивать» представителя исполнительной власти, если он допускает злоупотребления. «Не предназначен ли он быть методом национального расследования поведения государственных мужей?» [Гамильтон, «Федералист», № 65] Рамки, в которые заключена власть Конгресса в этом вопросе, позволяют в случае необходимости устраниТЬ президента, и в этом состоит тонкий баланс, не допускающий избыточной власти и тирании президента, но сохраняющий его свободу и независимость. Природа импичмента — это одно из немногих исключений из принципа разделения властей; это сказано в федеральном договоре 1787 года. Он ограничивал импичмент случаями тяжких преступлений и проступков и запрещал импичмент в случае так называемого плохого управления. «Он должен быть использован только в случае серьезных проступков», — гласил ратификационный договор Северной Каролины. В ратификационном договоре Виргинии сказано: «Мы не доверяем нашу свободу какой-то одной ветви власти. Одна ветвь должна контролировать другие».

Ратификационный договор Северной Каролины говорит: «Никто не должен опасаться, что чиновники, творящие притеснение, будут пользоваться безнаказанностью». «Ведение дел по импичменту редко не возбудит страсти всего сообщества, — писал Гамильтон в шестьдесят пятом очерке «Федералиста», — не разделит его на партии, более или менее дружественные или враждебные к обвиняемым». И здесь я не имею в виду политические партии.

Политическое распределение пристрастий служит для мотивировки импичмента, но сам импичмент должен проходить в рамках конституционного определения «тяжкие преступления и проступки».

Вудро Вильсон сказал об импичменте: «Ничто, кроме самых страшных угроз законам страны, не должно быть достаточным основанием для начала процесса импичмента. Негодование, настолько сильное, что оно превосходит все партийные интересы, может повлечь за собой обвинение, но лишь оно, и ничто иное».

Здравый смысл пострадал бы, если бы мы запустили процесс импичмента по каким-то пустяковым причинам. Конгрессу и без того есть чем заняться. Ассигнования, налоговая реформа, страхование здоровья, реформа финансирования избирательных кампаний, жилищное строительство, охрана окружающей среды, проблемы энергоносителей, общественный транспорт. Нельзя допустить, чтобы мелочная

мстительность заслонила столь насущные проблемы. И сегодня мы не мелочны. Мы стараемся быть великими, потому что перед нами стоит великая задача.

Утром, когда мы обсуждали доказательства, нам сказали, что доказательства неправомерного использования ЦРУ президентом довольно шатки. Нам сказали, что этих доказательств недостаточно. Но в зачитывание доказательств этим утром не входило то, что 23 июня 1972 года президент уже знал. Президент знал, что республиканские деньги, что деньги комитета по переизбранию президента были найдены у одного из арестованных 17 июня взломщиков. Что президент уже знал 23 июня о действиях Говарда Ханта*, в которые входило вторжение к психиатру Дэниела Эллсберга, в которые входило участие Говарда Ханта в деле Диты Берд и ITT, в которые входила фабрикация Говардом Хантом телеграмм, призванных дискредитировать администрацию Кеннеди.

Сегодня нас предупредили, что, возможно, слушания придется отложить, поскольку, очевидно, от президента Соединенных Штатов ожидаются новые доказательства. При этом не было ни малейшего признака того, что комитет действительно получит от президента еще какие-то материалы.

Повестка в суд комитета — дело чрезвычайное, и, если президент захочет предоставить материал, комитет будет его ждать.

Но вчера американские граждане с большим нетерпением восемь часов ожидали, подчинится ли их президент вызову в Верховный суд Соединенных Штатов.

Здесь я хотела бы сопоставить некоторые критерии импичмента с некоторыми действиями президента. Итак, критерии импичмента от Джеймса Мэдисона**, ратификационный договор Виргинии: «Если президент будет сколько-нибудь подозрительным образом связан с каким-то лицом и будут основания полагать, что он укрывает это лицо, он может быть подвергнут импичменту».

Мы постоянно слышим, что доказательства свидетельствуют о выплатах подсудимым денег. Президент знал, что эти средства выплачиваются и что это средства, собранные для президентской кампании 1972 года. Мы знаем, что президент двадцать семь раз встречался с Генри Питерсеном для обсуждения вопросов, связанных с Уотергейтом, и сразу после этого встречался именно с теми людьми, что упоминались в информации, которую Питерсен получал и передавал президенту. Напомню, что, «если президент будет сколько-нибудь подозрительным образом связан с каким-то лицом и будут основания полагать, что он укрывает это лицо, он может быть подвергнут импичменту».

* Говард Хант (1918–2007) — агент ЦРУ. Помощник президента Никсона, один из главных организаторов проникновения в штаб-квартиру Демократической партии (уотергейтский скандал). За это его приговорили к восьми годам тюремного заключения, но 23 февраля 1977 года освободили. *Прим. ред.*

** Джеймс Мэдисон (1751–1836) — 4-й президент США, один из ключевых авторов Конституции США. *Прим. ред.*

Судья Стори: «Импичмент предназначен для редких и экстраординарных случаев, когда вступает в действие высшая власть, действующая в интересах всех людей, чтобы защитить их права и спасти их свободы от нарушений».

Мы знаем о плане Хьюстона*. Мы знаем о взломе в офисе психиатра. Мы знаем, что в августе 1971 года президент дал прямое указание Эрлихману** «делать все, что необходимо». Это привело к незаконному проникновению в офис доктора Филдинга.

«Заштитить их права», «Спасти их свободы от нарушения». Критерии импичмента в соответствии с ратификационным договором Южной Каролины: импичменту подвергаются те, «кто действует дурно и предает общественное благо».

Сразу после взлома в «Уотергейте» и до сих пор президент делает ряд публичных заявлений и предпринимает действия, направленные на воспрепятствование законного расследования правительственные органами. Более того, президент высказал ряд публичных заявлений и предположений по делу Уотергейта, которые, как впоследствии было доказано, были заведомо ложными. Ложные, заведомо ложные предположения, причина импичмента, те, кто ведет себя неправильно. Те, кто «действует дурно и предает общественное благо».

Снова цитирую Джеймса Мэдисона, Конституционный конвент: «Президент подлежит импичменту, если пытается ниспровергнуть Конституцию».

Конституция налагает на президента обязательства следить за верным исполнением законов, и тем не менее президент посоветовал своим помощникам совершил клятвопреступление, сознательно пренебрег тайной совещаний большого жюри, скрыл факт незаконного проникновения, попытался пойти на сделку с федеральным судьей, публично заявляя тем временем о сотрудничестве со следствием.

«Президент подлежит импичменту, если пытается ниспровергнуть Конституцию».

Если для импичмента в Соединенных Штатах недостаточно указанных выше правонарушений, то, наверное, Конституция XVIII века должна отправиться в уничтожитель бумаг XX века. Совершал ли президент неблаговидные поступки, плалировал ли, направлял ли и соглашался ли на преступления против Конституции? Вот в чем вопрос. Мы знаем его. Мы знаем этот вопрос. И мы должны пытаться дать на него ответ. И только разум, а не чувства должен управлять нашими устремлениями, нашими обсуждениями и в итоге нашим решением.

* В 1973 году в американскую прессу из Конгресса просочились слухи о так называемом плане Хьюстона — намечавшихся мероприятиях ЦРУ, ФБР и других разведывательных служб против негритянского, антивоенного и студенческого движений. План не был осуществлен. *Прим. ред.*

** Джон Эрлихман (1925–1999) — американский политический деятель, участник уотергейтского скандала, доверенное лицо президента Никсона. Был осужден на полтора года тюрьмы за участие в незаконном вторжении в штаб-квартиру Демократической партии и попытку сокрытия преступления. *Прим. ред.*